о чем шепчутся женщины

50+

Хельга Мидлтон

Одинокая или ничья?

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Хельга Мидлтон

Одинокая или ничья?

«Автор»

2025

Мидлтон Х.

Одинокая или ничья? / Х. Мидлтон — «Автор», 2025

Светлана Ивановна — одинокая, «замужем за работой» вот уже почти двадцать лет работает заведующей литературным отделом продюсерской фирмы ООО «Луна-Media Production». Компания переживает не лучшие времена, и Светлана получает задание разработать концепт новой серии передач. Одновременно с этим босс передает ей на рецензию флэшку с рассказами и новеллами неизвестного автора и просит «внимательно отнестись» к контенту. Светлана берется за чтение и… погружается в мир своей молодости. Всё или почти всё то, что описывается в историях, до боли знакомо, и если не происходило с самой Светланой, то с доброй половиной ее подруг. Впервые за многие годы Светлана и плачет, и смеется над рукописью, и… неожиданно осознает, что знает того, кто стоит за строками этих текстов. Книга из серии "О чем шепчутся женщины" 50+

© Мидлтон Х., 2025
© Автор, 2025

Хельга Мидлтон
Одинокая или ничья?

ООО «ЛУНА-MEDIA PRODUCTION»

– Позвольте представить наш новый проект, – Илья Борисович Митрохин, для коллег попросту ИБМ, взял со стола книгу и с воодушевлением повернул ее обложкой к сотрудникам, чинно сидящим по обеим сторонам длинного стола для переговоров.

Близорукая Светлана Ивановна – заведующая литературным отделом – сощурила глаза и вытянула шею, фокусируя изображение, но разобрать букв в названии книги так и не смогла.

– Не напрягайте зрение, дорогая Светлана Ивановна, я вам ее сейчас передам. Но дело даже не в самой книге, а в ее концепте. – Он еще раз повернул обложку к себе и прочел вслух название. – «Птичий рынок» – сборник рассказов современных российских писателей о…, вы не поверите, о зверушках! Тут вам и Евгений Водолазкин о своем коте, и Татьяна Толстая, и Яна Вагнер с трогательнейшим рассказом о белом боксере с нарушением развития, и даже Максим Аверин – не помню с кем. Книга – вы будете смеяться – вошла в топ-лист самых читаемых. Вам это о чем-нибудь говорит?

Сотрудники сделали удивленные лица и отрицательно закачали головами.

– Вот о чем и разговор, – радостно продолжил начальник, – о полном отсутствии чуйки у вас, мои дорогие коллеги. О том, что застряли вы, как страусы, головами в собственной жопе, извините за выражение, что темы, сюжеты и актеры у нас одни и те же уже много лет, что зритель и рекламодатель от нас уходят. Правда, куда идут – непонятно, на других каналах такая же фигня, но… Итак, после серьезного анализа финансовых потоков компании и обсуждения сложившейся ситуации с нашими инвесторами возникла идея подключить к спасению «Луна-Media Production» лучшую, так сказать, половину человечества – наших четвероногих друзей. Этот контент всегда беспроигрышный: дети, бабушки и уставшие от дурацких женских детективов домохозяйки. Нам нужны новые э-э-э… лица, новые эмоции. Вопросы есть?

Совещание подошло к концу, вопросов ни у кого не было – редакторы, маркетологи и менеджеры по продажам продюсерской фирмы ООО «Луна-Media Production», держа в руках телефоны и стаканчики с недопитым кофе, неспешной вереницей потянулись к двери.

– Светлана Ивановна, задержись на минутку, – ИБМ позвал сотрудницу. Она уже почти у дверей обернулась и вышла из толпы.

– Да, Илья Борисович, я тебя слушаю.

Светлана была старейшим сотрудником фирмы, начинала вместе с Ильей в нулевые, когда внесла собственные деньги в уставной капитал. Тогда они еще были партнерами, но потом… – Жизнь-жестянка с ее тычками и затрещинами подсунула Светлане пару моментов, когда деньги нужны были позарез, и как-то незаметно все её акции перетекли в активы ИБМ, а Светлана стала просто старшим редактором.

Долгая дружба и знание дела давали ей единственной право обращаться к боссу на «ты», но этикет требовал соблюдения субординации, и потому – по имени-отчеству.

– Света, проследи, пожалуйста. Мне нужны бизнес-планы буквально еще вчера. Ты же знаешь инвесторов: хотят быть уверенными в своей копейке. Нужно что-то положить им на стол. Что там у нас есть про зверушек?

– Я так с места ответить не могу. «Маугли», «Рики-Тики-Тави», «Белый клык» Джек Лондона. Что еще? Из русских, наверное, Тургенев «Муму», Куприн «Белый пудель», Чехов «Каштанка».

– Эко, куда тебя понесло. А поближе к нашим дням ничего?

– Булгаков «Собачье сердце».

ИБМ пошарил по голове как бы в поисках волос, пригладил то, что от них осталось – венчик за ушами и на затылке, взял со стола бутылочку минералки. Отвернул голубую крышечку и, сделав пару больших глотков, обратился к подчиненной.

– Свет, не время для иронии. Мне не до шуток. Все гораздо серьезнее, чем я представил на этом совещании. Не хотел народ пугать. Ты же знаешь: эти крысы, только учуют запах гнили, тут же побегут с корабля. И если бы бежали с пустыми руками… Но у нас столько проектов в работе! Конкуренты уже у дверей с сачками стоят.

– Илья, не нагнетай ситуацию. Все не так плохо, и народ у нас приличный работает: кормящую руку не кусает. Видишь, я уже в теме, – сама улыбнулась своей шутке, – я понимаю, тебя инвесторы за яйца держат, но ведь инвесторы – народ жадный. Один уходит – другой тут же на его место спешит.

– Спешит, да не очень. Таких «спешащих» еще поискать надо.

– Илья Борисович, мы поработаем, честнпионерское. Не впервой.

– Да, уж, пожалуйста, Светик, не подведи. Очень надеюсь на тебя.

«В который раз за последние двадцать с лишним лет ты на меня надеешься. Чтоб ты без меня делал, черт лысый», – подумала Светлана и уже повернулась в сторону дверей, когда начальник ее снова окликнул:

– Да, чуть не забыл. В свете нового течения событий и в поиске новых имен – вот, посмотри на это. – Он протянул ей флэшку и письмо. – Еще одна городская сумасшедшая на мою голову, но… чем черт не шутит, может, ты и высмотришь своим зорким глазом зерно в куче плевел.

– Вот про зоркий глаз это уж точно не в бровь. Я на этих авторских каракулях скоро совсем ослепну.

Светлана сняла очки, привычно запустила дужку в рот и, слегка постукивая ею по зубам, пробежала глазами текст:

Директору продюсерского холдинга
ООО «Луна-Media Production»
Г-ну Митрохину И.Б.
От автора Мидлтон О.С.

Уважаемый Илья Борисович,

Считается, что скромность – главное украшение девушки. Но когда девушке под семьдесят и ее главные украшения – это белые волосы и сияние искусственных зубов, то уже поздно не только пить «боржоми», но и таиться в тени.

Поэтому высылаю вам рассказ и три новеллы, которые, на мой высокомерный вкус зазнайки, могли бы лечь в основу сценариев для фильма, а, возможно, и для сериалов типа тех, что идут на канале Россия-1 или «Домашний». Мои истории о жизни и судьбах тех, кого называют «обычная современная женщина». В них нет ни жесткого секса, ни насилия или терроризма, правда, попадается иногда нецензурная лексика. К сожалению, без нее невозможно описать жизнь российской женщины. Поэтому убедительно прошу в случае принятия моего материала в работу все исправления согласовывать со мной лично.

Всю техническую работу по переделке текста в рабочий сценарий готова взять на себя.

На щедрый гонорар не рассчитываю.

Пожалуйста, сообщите о Вашем решении. Очень неприятно, когда в ответ на твою многодневную интеллектуальную работу ты получаешь глухую тишину. Многие издательства, если не берут в печать, то и не заморачиваются с ответом, что демонстрирует отсутствие элементарных навыков приличия в поведении и в общении.

Приятного прочтения.

С уважением,
О. Мидлтон. (Автор).
+7(916) 094 82 38

– Старушка с претензией на оригинальность, – Светлана вынесла свой вердикт, – разберемся. Третья попытка покинуть кабинет начальника увенчалась успехом. Проходя мимо буфета, Светлана Ивановна вспомнила, что, боясь опоздать на раннее утреннее совещание, убежала из дому без завтрака, и теперь кофе, которым перед началом встречи ее угостил начальник дистрибьюторского отдела Артемий Петрович, противно булькал в пустом желудке. Желудок в свою очередь жалобно постанывал, требуя более основательного наполнения.

Светлана Ивановна взглянула на часы и завернула в уютный, гостеприимный под стать хозяйке буфет. Мила еще в начале становления ООО «Луна» создала свой маленький бизнес – приносила в офисы домашнюю еду и выпечку. Постепенно бизнесы (и ее, и клиентский) пошли в рост. Еще не было интернета, но уже были факсы, и Мила стала с утра рассылать меню и принимать индивидуальные заказы. Ровно в 12:00 у дверей бывшего НИИ «Тепловолокно», распродавшего и раздавшего в аренду разным фирмам свои помещения, останавливалась старая белая «Нива», из нее выпархивала Милочка с квадратной корзиной, выстланной клеенкой на ватине, и с такой же клеенчатой крышкой. Пластмассовые контейнеры с именами заказчиков и номерами офисов аккуратно составлены в соответствии с продвижением Милы от лифта. Логистика раздачи заказов была доведена до максимально экономящей время: рыться в корзине не надо – иди себе по коридору, заходи в комнаты и, проходя между столов, раздавай. Туда и обратно. Расчет тоже не занимал времени, так как хозяйка предпочитала, чтоб еда не остывала, ну и из гигиенических соображений не пачкать руки: всем известно, что бумажные деньги – основной разносчик всякой заразы. И что удивительно, у нее никогда не было недостачи. Обычно в конце дня за пустыми контейнерами и расчетом забегал ее сын Мишка – студент-первокурсник – материн помощник и будущий бизнесмен. Все с чего-то начинают. Уже позже, когда «Луна» вошла в силу и переехала в собственный стеклянный куб на Артековской улице, Мила с Мишей сняли у них одну из комнат и оборудовали в ней буфет с салатным баром, коммерческих размеров кастрюлей, которая предлагала посетителям «Суп дня», хорошей дорогой кофемашиной и, конечно же, свежими домашними пирожками – куда ж без них. Теперь Милиной мечтой был переезд на первый этаж. Там, за гардеробом, были две подходящие комнаты. Можно сделать отдельный вход и обслуживать не только своих «лунатиков», но и клиентов с улицы. ИБМ со своей паранойей по поводу чужих людей на его территории восторга по поводу ее планов не испытывал, но и не отказывал окончательно.

Мила знала вкусы и диеты всех, ну, почти всех постоянных сотрудников.

– Здесь будешь есть или опять навынос? – хозяйка добродушно приветствовала посетительницу.

– И тебе, Милочка, не хворать, – улыбнулась в ответ Светлана. – С каким бы удовольствием я тут у тебя посидела, но, как всегда, аврал и цейтнот.

– А то у вас когда-нибудь по-другому было! Чего тебе? Кофе будешь?

От одного слова «кофе» у Светланы противно гукнул желудок, и она замахала руками:

– Что ты! Еще глоток кофе, и я умру на месте. Дай мне вот эту куриную котлетку, на гарнир винегрет и пару бутылочек минералки с газом. Вилку не клади. Терпеть не могу есть пластиком, у меня в кабинете нормальная – мельхиоровая. И еще дай мне десяток пирожков, только в коробку, а не в пакет – в пакете они мнутся. С чем сегодня?

– Как всегда: с мясом-рисом, с капустой и очень вкусные, прям с пылу с жару, с яблоком.

– О! Мне вот этих с пылу с жару.

Светлана, все еще держа в одной руке ежедневник и кошелек, в другой письмо и флэшку новой звезды жанра фикшен, пыталась одновременно расплатиться, собрать все прозрачные

упаковки и бутылки в одну охапку. Мила с улыбкой смотрела на ее старания, как взрослые смотрят на попытки ребенка завязать шнурки, потом вздохнула:

– Дай, сюда, – и одним движением уложила всё в пакет, протянула его через прилавок.

– Приятного аппетита!

***

Помещение, которое Светлана Ивановна с гордостью называла «Мой кабинет», на самом деле было комнатой среднего размера, но благодаря угловому расположению и потому наличию двух окон в ней удалось с помощью стеклянной перегородки и ролл-жалюзи разделить пространство. Получились почти двухкомнатные хоромы. За перегородкой у окна встал милый, почти домашний круглый столик и три стула, у стены – маленький стеллаж с чашками, тарелками и прочей атрибутикой чайной церемонии. Обычно в «приемной» либо чаевничали, либо принимали посетителей (в основном авторов) за закрытой дверью, чтобы остальным не мешать разговором. В другой же общей части офиса стояли три письменных стола, на них три компьютера. Возле каждого – офисное эргономичное кресло. Либо эргономика была не того уровня, либо работы было слишком много, но к концу рабочего дня спины всех трех сотрудников: самой Светлана Ивановны, Ладки и Назиры – разгибались с трудом. Каждый вечер они дружно принимали жесткое решение: с завтрашнего дня начать ЗОЖ. Прекратить жрать за компьютерами и делать каждые два часа пятиминутные перерывы с элементами легкой производственной зарядки, но… наступал завтрашний день, и все неслось куда-то, как всегда, срочно и без регламента.

На шум открываемой двери Лада и Зира (так кратко звучало красивое узбекское имя редактора спейс и фэнтези-программ) повернули головы от экранов и почти хором поприветствовали начальницу одним на двоих вопросом:

– Ну как?

– Все в порядке. Срочно нужен бизнес-план. Новая тема для раскрутки – «В мире животных».

– Ты шутишь?

– Отнюдь. Сейчас все расскажу. Дайте только поем: с утра маковой росинки во рту не было.

– И даже кофе от Артемия Петровича не упал? – с хитрой улыбкой спросила Лада.

– Кофе не росинка. Им не насытишься. И оставь свои глупые намеки. Он даже не пытается за мной ухаживать – просто дружба.

– Ага! Дружба. Когда это остальные друзья о тебе так заботились?

– Значит, остальные – плохие друзья, а если ты все еще хочешь оставаться в числе хороших, сделай одолжение – поставь-ка чайник. Там пирожки с яблоками «с пылу с жару», – сказала она, протягивая девушке запотевший изнутри пластмассовый сундучок.

Сотрудницы терпеливо дождались, пока начальница доела котлету, выловила упорно уворачивающуюся от вилки и бегающую по краю тарелки последнюю горошину, вытерла губы бумажной салфеткой и придвинула к себе дымящуюся кружку цейлонского чая.

– Значит, так. У нас новый проект. Туманный, я бы сказала. И зритель, и инвесторы устали от зла, насилия и человеческой глупости. Нужна новая фишка. Я еще сама не сформулировала для себя, что это будет: «человек глазами животного» или «человеческие черты в животном». Но одно понятно: нам нужно что-то с котиками и собачками. Милое, трогательное, как «Ежик в тумане».

– Легко сказать! «Ежик в тумане» один неповторимый.

– О’кей, девочки. Давайте сосредоточимся. Что у нас есть в жизни.

– У меня есть подруга, – начала, как всегда, первой бойкая Лада, – у нее собака кокер-спаниель. Такая смешная – умереть. Она с тобой все время разговаривает. Приходит, садится рядом и смотрит в упор, пока ты на нее не обратишь внимание. А как только она поймает твой

взгляд, вернее, ты ее – начинается театр мимики и жестов. Вот она медленно виляет хвостом влево-вправо, влево-вправо – это означает: «Я хорошая девочка – почеши за ушком». Должна признаться, чесать ей за ухом – это отдельное удовольствие. Уши у нее – каждое на килограмм, если не больше, а шерсть такая мягкая – прямо шелк. Руно. Потом она смотрит тебе прямо в глаза и облизывается – «Есть давай». Еще один прием – поймать твой взгляд и, поняв, что ты ее видишь, встать на все свои четыре лапки и, не отводя от тебя глаз, давать задний ход к выходу из комнаты. Это означает «Пошли гулять». С ней можно вести разговоры часами. Удивительная псина, – закончила Лада.

– Неплохо. Можно подумать. Обыграть.

– А у меня никаких животных в окружении нет. Был в детстве кот Тимка, – добавила вторая сотрудница сценарного отдела, – вообще-то я люблю животных. Немного побаиваюсь крупнорогатого, но в целом у меня ко всем видам зверюшек отношение положительное. Братья меньшие – этим все сказано. Моим первым «братом» был кот Тимка. Я была совсем маленькой, а он уже старым. Много спал, мало играл и обожал крабов. На крабов у Тимки был прям собачий нюх. Он вылезал из-под бабушкиной кровати, бодрячком бежал на и без него тесную кухню и терся о ноги хозяйки, обвиваясь вокруг них восьмеркой, что не только на кошачьем языке означает верность. Ну, а тут еще и вечную любовь. Настоящие камчатские крабы продавались в маленьких баночках, их нежное бело-розовое мясо было переложено не то полосками жесткого пергамента, не то мягкими хрящевыми пластинами. Ловкие пальцы бабушки, поварихи со стажем, выбирали из банки кусочки, умело перетирали между пальцами, нащупывая несъедобные хрящи-довески, оставляя их в банке, а мякоть деликатеса отправлялась в миску к остальным ингредиентам. По мере ожидания лакомства Тимка становился все активнее. Он уже не только оплетал бабушкины ноги, но и цеплялся когтями за оборку передника. С трудом дождавшись, когда процедура очистки будет закончена и так страстно желаемая банка с крабовым соком, остатками хрящей и прилипшими к ним крошками лакомства окажется на полу, Тимка с восторгом набрасывался на нее и долго гонял по всей квартире, вылизывая до сухости золотистое нутро жестянки. Обычно пир заканчивался в дальнем углу под бабушкиной кроватью, где он охранял свое сокровище еще несколько дней. В тот угол даже швабра не доставала, и меня, четырехлетнюю отправляли, как в старой Англии детей-трубочистов, в узкий туннель между матрасом и полом с целью извлечь пустую банку.

Банки с Нового года копились для выпечки куличей. Бабуля у нас, первая комсомолка Узбекистана, как-то с возрастом к православию пришла.

Помню, мне подарили набор детской посуды, и кукольные чаепития надолго стали моей любимой игрой. Я была доброй девочкой, мне хотелось угощать всех. Я несла чашечку бабушке на кухню, совала маме, разливая воду на ее вязанье, приглашала Тимку к нашему скромному столу. Как правило, он успевал увильнуть от моих настойчивых призывов, но иногда мне удавалось его заполучить. Я считала, что в гости надо ходить красивым, потому наряжала всех своих кукол и всячески их прихорашивала. Тимка не был исключением. В качестве вечернего туалета я надевала на него чепчик пупса и старые мамины бусы. Он изо всех сил пытался отвертеться от моей деткой безудержной любви, но я умела проявить настойчивость, и ему ничего другого не оставалось, как давать кошачий отпор мучительнице. Он очень старался меня не царапать и не кусать, но иногда не получалось, и за неудачно проявленное сопротивление он получал от бабушки кухонным полотенцем. Наказания не проходили даром, при моем очередном приближении он стремительно забивался в свой угол под бабушкиной кроватью, где запах пыли смешивался с воспоминаниями о крабах. Так я познала первые уроки неразделенной любви. Я даже не помню, как и когда он умер. После Тимки у нас долго не было никаких домашних животных.

– Кот в чепчике и бусах – в этом что-то есть, но мало. Мало. Девочки, думаем еще.

А ведь и у Светланы в ее жизни был кот. Не в детстве – в девичестве, но царапнул так, что на всю жизнь шрам остался.

Говорят, у кошки девять жизней. Вот и у Светланы, если разобраться сколько уже жизней было? Детство. Новосибирский университет. Специальность. Любовь. Ах, как же она его любила! Как чуть с ума не сошла, расставшись… Москва. Новая профессия. Муж…

Уже семь жизней набралось, а все кажется, что жизнь еще и не начиналась.

Светлана, как и сотни да что там сотни, наверное, тысячи молодых образованных женщин российской глубинки, к двадцати пяти годам (через два года после окончания НГУЭУ) отчетливо поняла, что жизнь течет не тем руслом, о котором мечталось.

Как-то сложилось все вместе – и неинтересная работа в расчетном отделе департамента транспорта, и расставание с еще институтским бойфрендом, который, пока вместе учились был, вроде бы, и не плох, а как стал заместителем главного бухгалтера на номерном заводе и получил в распоряжение казенную «Волгу», так сразу пальцы развеерил и стал хамом.

Подсластить горечь их расставания помог начальник отдела железнодорожных перевозок Александр Андреевич – Шурик, как она звала его во внерабочей обстановке. Шурик был всем хорош – старше Светланы на десять лет (вполне достойный возраст для мужчины), Щедрый, с хорошим чувством юмора, умелый в постели, но с одним серьезным недостатком – женат. Жене было уже глубоко за сорок и сын подросток от первого брака, а женаты они уже лет восемь. Получалось, что Шурик на ней женился в возрасте Светланы… Как можно так вляпаться? Чем взяла? Для Светы это оставалось загадкой из загадок.

Вначале Светлана не очень комплексовала – роман, как роман. Любовь – как лекарство от другой любви. Но в мае мама уехала на дачу помогать бабушке с садом-огородом, и Света на все лето осталась единовластной хозяйкой квартиры. «Жена» (по имени она соперницу не называла) увезла сыночка на июнь-июль в Анапу и тут-то все и началось. Шурик, практически, переехал к Свете. Они еще соблюдали дистанцию и конспирировались на работе, но дома… Это было такое счастье. Ложиться и вставать вместе. Любить не спеша, открыто – в своей постели. Единственным моментом, омрачавшим Светланино счастье, был Кот. Из-за него, надо было вставать почти на два часа раньше. Шурик до работы должен был заехать домой, сменить песочек в лотке (на старое говно Кот не срал, но находил для этого самые укромные углы в квартире). Потом надо было его накормить (в отсутствие хозяина Кот не ел) и, прежде чем уйти на работу, поиграть с ним, как это было заведено в «семейной» жизни. Светлана Кота тихо ненавидела и ревновала любимого к нему, пожалуй, больше, чем к Жене.

Роман развивался и углублялся. Они находили в общении друг с другом все больше и больше удовольствия, причем не только плотского, но и интеллектуального. Оказалось, что они любили одни и те же книги, авторскую песню, отдавали предпочтение импрессионистам против передвижников и даже в напитках – оба любили водку, а не коньяк или там виски. Все глубже и глубже срастались их души, и все ближе и ближе был день возвращения Жены. Шурик, хоть и был начальником, но по природе оказался мягким и сентиментальным. Все чаще после совместного ужина и пары рюмок он впадал в уныние, порой даже плакал. Его брови трогательно и грустно складывались домиком над оправой очков. Он не стеснялся слез, и они тихо текли по его щекам, сливаясь в один ручеек в ямочке подбородка. В эти минуты у Светланы сердце разрывалось от жалости и к нему, и к себе и, даже, к его старухе-жене. Она тихо присаживалась к нему на колени, гладила его лысую голову и нежно, едва касаясь языком, слизывала слезы. «Как быть? Как быть? Как жить дальше?» – повторял он опять и опять одни и те же слова: как молитву, как заговор. «Я не могу жить без тебя, но и ее я не могу оставить! Вот она – расплата за наше чертово воспитание!», – Светлана робко пыталась напомнить, что это же воспитание учит нас жить в Любви. Жить с женщиной не любя ее, постоянно обманывая, – есть не просто жестокость, но и грех. «Не прелюбодействуй» – одна из главных запове-

дей. Единственным лекарством от этой мороки оказывалась постель. Наплакавшись всласть, они вместе принимали душ, помогая друг другу смыть эмоциональную усталость. Он нежно, как ребенка, обтирал Светлану большой банной простыней и нес ее, запелёнатую, на руках в комнату. Там на этой же еще влажной простыне она впускала его в себя. Всего. Целиком. В эти минуты она принимала в себя и его жену, и пасынка, и кота – весь его мир, устремленный в нее. В канун возвращения Жены их последняя совместная ночь стала особенно бурной. Александр Андреевич принял окончательное решение обо всем рассказать жене. Встретить ее, привезти домой, расставить все точки над i и к вечеру вернуться уже с вещами. Дело было в субботу. Светлана, стоя в полуоткрытой двери, провожала взглядом уходящую вниз по лестнице красивую фигуру любимого мужчины. На изгибе лестничного пролета тихо перекрестила ему спину. И вдруг: откуда-то сверху бесшумно сбежал незнакомый кот и попытался свернуть в ее квартиру. Видно ошибся этажом. Светлана, быстрым движением ноги перекрыла ему дорогу и легким пинком придала ускорение: «Нет, нет, дружочек, тебе не сюда – беги своей дорогой», – беззлобно прокомментировала она свои действия. Кот не возражал и, кажется, даже с удовольствием отправился вдогонку Шурику.

Он позвонил вечером.

– Я не могу, я не могу от них уйти! – шепотом кричал и плакал, – Игорек, хоть уже и не ребенок, но так нежно обнял меня при встрече, я чуть не расплакался.

Она начинала тихо злиться: «Ага, – подумала, – плакать ты горазд».

– И потом, – продолжал он, – Кот. Я не могу его оставить.

– Шурик, ты знаешь, я не кошатница, но я люблю тебя и приму твоего кота тоже. Возьми его с собой, – пыталась она его утешить.

– Что значит: «Возьми его с собой»? А как же она? Как же я и сам уйду и кота с собой заберу, с чем же она останется? Это жестоко.

– Она останется со своим сыном и спокойной жизнью без вранья и без нелюбви, – Светлана, чувствовала как все внутри у нее закипает, но старалась говорить ровным голосом, словно с ребенком, – Ты же не на луну улетаешь. Будешь к ним приходить, помогать. У меня зарплата хорошая, не обеднеем. В конце-то концов, люди и от своих детей уходят, а Игорь тебе даже и не родной, – Она пыталась его утешить, как умела, призывая на помощь житейскую логику. Он ее не слышал.

– Ты, молодая, красивая – у тебя всё впереди. Ты еще найдешь свое счастье. Не мучь меня. Не зови и не настаивай.

Позже она «прокручивала» в голове этот разговор опять и опять и все пыталась понять его любовь. Кого же на самом деле Шурик любил больше: Жену, Игорька, кота или Свету? Вывод, к сожалению, напрашивался один – себя. Свой статус, уют и привычную жизнь. Надо было признаться себе, что их любовь была простой банальной интрижкой. Нервная щекотка – он и не собирался бросать ни Жену, ни Кота.

Наступил ее черед лить слезы. На это ушло всё воскресенье. В понедельник Светлана зашла в отдел кадров и положила на стол начальника заявление об уходе. Начальник с пониманием посмотрел на нее, как смотрел на десятки таких же как она молодых и никому не нужных «выпускников престижных ВУЗов», понявших бесперспективность своих жизней и желавших только одного – будущего. «Положенные две недели будешь отрабатывать или с сегодняшнего дня приказ писать?» – только и спросил он. Ответ был краток:

– Пишите с сегодняшнего.

С тех пор прошло уже почти тридцать лет, все изменилось. Она стала москвичкой, окончила курсы литературных редакторов в только-только созданной академии при Центральном телевидении. Научилась водить машину, купила свой первый, сильно подержанный Жигуль «копейку» и, вообще, началась совсем другая жизнь, но…

… Иногда накатывает, и Светлана сама себя спрашивает: «Если бы я впустила того котика, может быть он и остался?» Кто «он»? Она сама себе не может ответить. Кот или Шурик? Да теперь уже и без разницы. И коты те уже давно померли, слухи дошли, что и жена Александра Андреевича ушла в мир иной. Сам же он уже давно не Шурик, а совсем лысый, хромой (что-то с ногами – не то варикоз, не то артрит) пенсионер по инвалидности.

*

Чай допит. Светлана подводит итог:

– Ну, что ж, начало положено. Девочки, – она кивает в сторону «Гостиной», – я уединюсь. Меня ИБМ попросил срочно прочитать нового автора. Откуда такая срочность – не знаю. Блатная или еще что, но с начальством не спорят. Я запрусь на пару часиков. Никого не впускать, меня не звать. Чем быстрее я расчухаюсь с новоявленной любительницей эпистолярного жанра, тем скорее мы возьмемся за настоящую работу.

– А нам что делать?

– Зира, фэнтези никто не отменял. Что там у тебя в работе – то и продолжай. А ты, Лада, пошерсти-ка интернет на предмет кошечек-собачек. Там этого добра должно быть полно. Главное, чтоб оригинально и под сценарий подкладывалось.

Светлана поставила на стол пустую кружку, взяла из ящика своего стола лэптоп, бутылку купленной утром воды, флэшку, письмо г-жи Мидлтон О. С. и ушла за загородку.

«Посмотрим, что вы за птица, госпожа Мидлтон. Чья вы родственница? Уж не самой ли королевы английской? Фамилия у вас, прямо скажем, королевская, а может – псевдоним?»

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Моей сестре посвящаю

Часть 1

Елена Сергеевна заканчивала консультацию по курсовым у студентов четвертого курса, когда в окно, как будто распахнув его, ворвался предвечерний луч солнца, так давно не показывавшего себя усталым за зиму москвичам. «Все. Сегодня точно поедем!» – сказала она себе, а вслух обратилась к молодому человеку, сидевшему напротив нее, и, слегка приподнявшись, перегнулась через стол, показывая ему место в реферате, которое вызвало у нее замечание.

– Василий, Вы же умница и подающий надежды будущий ученый, но даже Вам нельзя так безосновательно выдвигать тезисы. Вот, здесь и здесь, – она показала на отчеркнутые карандашом параграфы, – пожалуйста, поройтесь еще в литературе. У Мелетинского есть свое видение, а Неклюдов, хоть и разделяет его точку зрения, но трактует по-другому. Мне льстит, что Вы в основном пользуетесь моими работами, но в российской школе фольклористики есть еще с полдюжины ученых, мнение которых Вам бы следовало изучить. Идите. Увидимся в следующий четверг на семинаре.

Оба с облегчением выдохнули. Он быстро сложил бумаги в рюкзачок, скупо попрощался и почти бегом выскочил из аудитории. Она еще какое-то время посидела, отпуская напряжение. Ей и в молодости-то публичность была в тягость, а уж теперь, когда перевалило за семьдесят пять, и подавно стала быстро уставать. Не спеша собрала со стола книги с разноцветной бахромой закладок, подровняла стопку записей и отправила все в легкую холщовую сумку на длинном ремне. Достала из нее пачку сигарет и телефон, привычным жестом перекинула ремень через плечо поперек груди и направилась к выходу.

Конец занятий. Пятачок перед входом в университет гудел. Курильщики жались к урнам, а те, кто не курил, с бумажными стаканчиками с кофе в одной руке и мобильниками в другой, теснились на тротуаре, подставляя лица весеннему солнцу. Елена Сергеевна щелкнула зажигалкой, с удовольствием затянулась. Она была заядлой курильщицей с более чем пятидесятилетним стажем и бросать не собиралась. «Еще чего?! Как же я думать буду?» – дежурно отвечала она врачу. А тот только рукой махал: «Ну, может, поменьше, пореже». Кстати, опрокинуть пару рюмочек беленькой, да под хорошую закуску, да на даче – еще одно любимое удоволь-

ствие. Несмотря на свой серьезный статус – как-никак доктор наук, заведующая кафедрой и председатель ученого совета – Елена Сергеевна любила простоту. Дача – обычная деревенская изба на пятнадцати сотках – была куплена еще в 90-е, когда муж вдруг из совкового инженера превратился в руководителя строительной компании и начал зарабатывать нормальные деньги. Деревенька из десятка домов в шестидесяти километрах от Москвы, недалеко от Нового Иерусалима. Ни речки рядом, ни леса, но для Елены Сергеевны не было места любимее.

Собирались поехать еще в прошлые выходные, но холодный не по-весеннему дождь испортил все планы. Сейчас, кажется, погода налаживается. Она побрела к отведенной для персонала стоянке машин. Докурила. Села за руль, пристроив сумку на пассажирском сиденье, нажала кнопку быстрого соединения. Муж ответил на второй же гудок.

– Саш, я закончила. Выезжаю. Ты в магазин сходил?

– Не волнуйся, Ленок, водочка у меня еще с прошлой недели в морозилочке припасена – не успеет согреться, а остальное возьму, как всегда. Овощи брать?» – засуетился муж.

– Посмотри, если свежие помидорки черри будут, то возьми.

С октября по май Елена Сергеевна была книжным червем, ученым, оппонентом или, наоборот, руководителем докторских и кандидатских диссертаций, и потому… никудышной хозяйкой. Новогодняя елочка у нее, как правило, стояла до марта и, если была натуральная, иногда даже свежие бледно-зеленые иголочки выбрасывала, а если искусственная – становилась белесой от пыли. Елена Сергеевна ни пыли, ни елочки не замечала до того момента, пока – за восемь недель до посадки в грунт – не наступала пора выгонять семена. Тогда узкий подоконник на кухне превращался в оранжерею, а маленький обеденный столик оказывался заставлен обрезанными коробками из-под молока и соков. В «обрезках» вызревали будущие кабачки и цветная капуста, но узнать о том who is who можно было только по надписям, сделанным черным фломастером на коробке. С этой поры и до самого выезда на дачу обедали в комнате с журнального столика.

Двадцать лет назад, когда остеопороз еще не дал о себе знать в полную силу и спина вполне так себе держалась, в хозяйстве были четыре грядки огорода со своей редиской, чесноком/луком, огурчиками и кабачками/патиссонами. Даже тыквы были, но они почему-то предпочитали расти на краю участка на куче, куда сваливалась скошенная трава и выплескивались помои. Тогда у Насти – соседки через дорогу – еще были корова и кролики, и Настин сын Витька раз в месяц, а то и чаще приходил со своей косой, выкашивал весь участок и забирал траву. Потом Настя слегла, корову не то забили, не то продали, а кроликам и своей травы хватало. Витька перестал приходить. Правда, к этому времени уже стала появляться в магазинах садовая техника, и Елена Сергеевна купила свою первую, еще бензиновую, газонокосилку. До ящика по изготовлению компоста руки так и не дошли. Вот тыквы и росли на куче.

За двадцать лет спина сдала, свежие овощи перестали быть дефицитом, и Елена Сергеевна стала сажать цветы вдоль дорожки от калитки к крыльцу и дальше – от дома до «удобств» на дальнем конце участка. Грядки заровняли, огород стал детской площадкой. У мужа от первого брака была дочь, которая ко времени покупки дачи выросла во взрослую девицу, перестала ненавидеть мачеху, вышла замуж и родила двоих детей. «Молодые», как их называли, любили приехать на денек в выходные – на шашлык – «подышать». Место огорода сначала заняли песочница и старая детская оцинкованная ванночка. Потом песочницу убрали, поставили полутораметровый надувной бассейн, а в детской ванночке внучок пытался разводить лягушек. Когда он вышел из возраста лягушек, на этом пятачке встал диван-качалка под зелено-белым полосатым навесом. После отъезда «молодых» с детьми и собакой в Израиль диван простоял еще пару сезонов и благополучно развалился.

Стол, смастеренный зятем из старой двери, и две лавки вдоль него все еще стояли под яблоней, но то ли яблоня разрослась, то ли стол перекосило, а сидеть за ним стало как-то криво и неудобно. Елена Сергеевна, подсмотрев в передаче «Мой сад» идею устройства каскадного

сада-огорода, расставила на столе и лавках ящики и горшки с геранью, листовым салатом, зеленым луком и укропом. Получилось очень живописно.

Это чудо доморощенной садово-парковой архитектуры хорошо просматривалось с крыльца дома, на котором она и сидела первым после приезда утром с кружкой кофе и первой же утренней сигаретой. Муж еще спал.

Елена Сергеевна обладала замечательной способностью «смотреть в оба», вернее, в обе стороны своего существования. Вот и сейчас ее глаза скользили по привычному окружению, отмечая мелкие изменения, случившиеся за зиму. Нижняя ветка самой большой яблони, подпертая в прошлом году в двух местах, еще больше провисла, по всему видно, этим летом окончательно отломится. Надо бы ее спилить, пока не зацвела. Правый кронштейн навеса над крыльцом сарайки держится на честном слове, того гляди, вся конструкция обвалится. Эх, что ни говори, а зять, хоть и зануда редкостный, но рукастый, вмиг прибил бы, а теперь… Но она не жалела об отъезде родственников: шуму-гаму от них больше, чем пользы и помощи. На даче ей никто не нужен.

«Сегодня проведу ревизию, а завтра пройдусь вдоль деревни. Поздороваюсь, посмотрю, у кого таджиков можно на пару часов переманить». Она поставила пустую кружку на ступеньку крыльца, тяжело поднялась, закурила вторую сигарету, запахнула поглубже полу старого, когда-то страшно модного стеганого пальто и пошла вглубь участка инспектировать хозяйство. Так, осматривая «владенья свои», она не переставала внутренним взором перелистывать последние страницы рукописи.

Первая половина ее нового сборника выстроилась в довольно стройный логический ряд, а вторая никак не поддавалась. Что-то витает, витает вокруг, а память – когда-то такая быстрая и цепкая – теперь, как упрямая собака, уперлась, ни поводком, ни пинками ее не сдвинуть. Мысль крутится, крутится, перескакивает с одного на другое, а в ряд на свое место не встает. Господи, неужели это старость? Надо бы этого мальчика Васю с семинара к себе поближе взять. По всему видно, что толковый, только разболтанный еще, без своей темы: то за истолкование поэтики, то за жанровую классификацию архаического фольклора хватается, то за семантику, то за структуру обряда.

– Лен, ну, твою ж мать, ну какого хера ты оставила кружку на крыльце, я чуть ногу не сломал!

Муж проснулся. Приезжая на дачу, он любил напустить на себя простоты. Начинал ходить вразвалочку, говорить с матерком. Приезжал отдыхать. От чего, правда, непонятно. С тех пор как его выпроводили на пенсию, только и делал, что «отдыхал». Не все умеют отдыхать. Вот он – ее муж – оказался худшим подвидом совка: ничего, кроме работы, не знал и не хотел знать. По утрам вставал – ехал на работу – с работы возвращался – вешал костюм на спинку стула – ел – смотрел телевизор – ложился спать. Теперь, когда работу отобрали, как привычную игрушку у ребенка, он мается, не зная, чем заняться. Что еще хуже, как-то сразу стал стариком. Брюзжащим, всем недовольным. В политике, экономике, футболе – первый эксперт. Смотрит эти чертовы теледебаты, орет громче Соловьева и…

Она повернула назад к дому, но перед глазами все еще стоял текст. О, кажется вот здесь, если параграфы переставить местами, мысль становится более внятной. Не забыть бы, пока опять за работу сяду – страница тридцать пять.

– Ну, не сломал же. И тебе «с добрым утром», – недовольно ответила она. Муж уже сидел за столом на кухне с телевизионным пультом в руке.

– Саш, ну ты хотя бы бойлер настроил, а потом уж телевизор. Мало тебе его в Москве что ли? Опять посуду в тазике мыть?

– Да ладно тебе, Лен, не выноси мозги. Все сделаем.

«Ага, сделаем – будущее время, множественное число…». Так, тихо разговаривая сама с собой, она поставила уже остывший чайник на одну конфорку электрической плитки, большую

тяжелую сковороду – на вторую. Положила в сковороду кусок масла, потянулась за коробкой яиц.

– Тебе яичницу с колбасой? У меня есть остатки вареной картошки. Могу сделать испанский омлет.

– Омлет. С картошкой и с луком.

– У нас, кажется, нет лука.

– Лен, ну в чем дело? Я ж тебя вчера русским языком спрашивал: что из овощей купить. Ты сказала только про помидоры. О чем ты вообще думаешь?

– О чем? – «А действительно, о чем я все время думаю?» Перед глазами опять запрыгали строчки текста, и вдруг какая-то непонятная бабская обида накрыла, как говорится, с головой. Обида на то, что дурак. На то, что примитивный. На то, что не дал ей родить своего ребенка. На то, что дочь его – жлобиха и эгоистка – уехала в Израиловку и сдала, между прочим, его, отцовскую, квартиру. И вот он теперь бездомный, безработный, безмозглый сидит здесь, у Елены Сергеевны за спиной, на угловом диванчике малюсенькой дачной кухни и гундосит, гундосит, гундосит. А у нее спина болит, голова не варит, и вторая часть сборника не складывается. И ведь никому не скажешь, не пожалуешься.

Вот только… если бы… он не включил в этот момент телевизор и звук на полную катушку не ворвался бы в маленькое, еще холодное с зимы пространство кухни, не обрушился бы на нее, не прошил бы голову, как железный прут, от макушки до основания черепа, заполняя ее нестерпимой горячей болью.

Если бы…

Она сорвала с плитки еще холодную сковородку, кусок масла с нее отлетел куда-то в угол за диванчик, а сама сковородка смачно чавкнула о голову мужа. Очки упали на стол, а сам он – рот открыт, как от удивления, – завалился набок.

Елена Сергеевна вынула пульт у него из руки. Нажала кнопку off. Вышла на крыльцо. Подобрала черепки чашки. Закурила и с удовольствием затянулась.

«Надо рассаду из багажника вынуть – задохнется».

Часть 2

Замок на двери сарая за зиму заржавел, ключ, хоть и вошел в гнездо, но поворачиваться отказывался. Пришлось вернуться в дом. Долго искала на веранде, потом в шкафчике под раковиной и наконец нашла то, что искала, – флакон спрей-смазки – в ящике с летней обувью. Вернулась к сараю. Через специальную трубочку-насадку впрыснула в лоно замка «живую воду» – чудо химической промышленности начала XXI века. Потрясла, подула, снова вставила в щель ключ, и… он послушно повернулся, высвобождая дужку из объятий гнезда. В сарае был полный порядок: все на своих местах, как прибрала прошлой осенью, только вот не доглядела – рулон резинового шланга оставила на полу, а не подвесила на крюк на стене – мыши полакомились. По специальному пандусу, который сделали, когда купили газонокосилку и минитрактор, выкатила тачку. По-хозяйски осмотрела – надо бы колесо подкачать, но рассада – тяжесть невеликая – хватит довезти от машины к столу под яблоней.

Она открывала багажник, когда рядом раздался приветственный возглас:

– О, Сергеевна, с приездом!

Обернулась. Над сеткой забора торчала голова соседа Коли. Сквозь еще не загустевшие кусты малины, которые тянулись вдоль всего забора, чередуясь выше со смородиной и орешником, была видна его приземистая фигура в сапогах и клетчатой фуфайке. «Как быстро замотерел», – подумала она. В тот год, когда купили дом, Коля этот только-только демобилизовался. В город не подался, а вернулся в родную деревню на радость родителям. Женился. Сначала пошел участковым, а теперь дослужился до майора – начальником местной милиции стал.

Елена Сергеевна радовалась такому соседству. Дом был круглогодично под бесплатной вневедомственной охраной. Кто ж полезет в бесхозный по зиме дом под боком у милиционера?

– Спасибо, Коля. Как вы тут перезимовали?

– Да уж, вашими молитвами. А вы как? Вы чё, одна приехали? Петровича чё-то не видать или спит еще?

– Нет, Коля, я одна приехала. Петрович у дочери в Израиле гостит, а я вот – рассаду привезла, да и вообще – сезон пора открывать.

– Открывать – это хорошо. И нам повеселее, когда рядом жизнь кипит.

– Скажешь тоже. Какое у нас кипенье. Так, возня мышиная.

– Ну, прям, Сергеевна, «мышиная», – хохотнул Коля, – вы люди солидные. Если помощь какая нужна – обращайтесь. У меня сейчас сын Генка гостит, помогает с картошкой. Посевная у нас началась. Он парень рукастый, если что – зовите.

Вот и Генка уже картошку сажает. А ведь она его помнит еще малышом, как ковылял, держа одной ручкой свой пол-литровый бидончик, а другой – руку бабки, Колиной матери. «Господи, вот голова дырявая, ничего не держит – как же ее звали? Люся? Люда?.. Людой ее звали, умерла несколько лет назад», – память, как тот Гена, побегала по саду и вернулась в дом… С Людой он свои первые шаги делал к Настиной корове за персональной порцией парного молока. Та корова всю их улицу молоком поила, а Люда учила Елену Сергеевну тонкостям крестьянского быта. Как сажать, чем подкармливать. И всего-то двадцать с небольшим лет назад, а как вчера…

– Спасибо, Коля. Я сейчас разберусь, что к чему, и воспользуюсь предложением. Кстати, видела у вас там, на конце участка маленький желтенький трактор стоит. Это случайно не мини-экскаватор?

– Он самый. Мы ж «самозахват» оформили: еще шесть соток от того поля, что за нашими участками – все равно бесхозное. Скажу тебе как должностное лицо: в управе планируют ту землю продавать под дачи. А чего? Ничейная в пятидесяти километрах от Москвы бурьяном зарастает. Не по-хозяйски. А сельсовету не на что полтора километра дороги к нашей деревне в порядок привести. Половину денег дает птицеферма, что на повороте к нам – там ребята серьезные окопались, а вторую половину где взять? С жителей не соберешь. Из состоятельных у нас только вы, да и то – он мотнул головой в сторону ее старенького «Пассата» – вам бы машинку обновить, а не дорогу. Председательша-то наша новая – не дура, с головой. Про свой карман, конечно же, не забывает, но как правильный администратор, не все под себя гребет. Кое чем и с народом делится. Вот мы и подсуетились, чтоб не прямо бок к боку с новыми соседями быть. Генка напрокат землекопку взял. Ща столбы поставим, сетку натянем и грядки сделаем. Картошкой с капустой засадим. Кстати, – он широко улыбнулся и заговорщически подмигнул – сейчас амнистия идет, и, если хотите, я помогу «довесок» оформить.

Коля, явно соскучившийся по общению, вывалил одной фразой все новости за полгода. «Как у них все быстро и просто, – думала она, вполуха слушая его рассказ, – поставим, натянем, засадим… А я вот мучусь, два параграфа в голове собрать не могу…»

– Ой, Коля, куда нам еще с «довесками» затеваться! Эти бы пятнадцать осилить, – она достала из кармана сигареты и подошла ближе к забору, предлагая ему закурить. Щелкая зажигалкой, завела разговор:

– Кстати, знаешь, у меня там, – она мотнула головой вдоль их общего забора, – в дальнем углу участка эта вечная компостная куча. Сколько лет хочу облагородить и из кучи сделать яму, а все руки не доходят, вернее, ноги, – взяла она тот простоватый тон деревенского каламбура. – Может, Гена твой зарулит ко мне, тем более что гнать технику недалеко. В-о-о-н тот угол, – она показывала сигаретой, как указкой, – прямо рядом с вашим забором.

– Да без проблем, Сергеевна. Ща я его подошлю.

– Спасибо. Скажи потом, сколько с меня.

– Да сказал же: без проблем. Сочтемся по-соседски.

*

Хоть тачка и была колченогой на полуспущенном колесе, но коробки с рассадой перевезла к столу под яблоней без особого труда. Елена Сергеевна снова пошла в сарай за пустыми горшками и мешком земли. В несколько ходок принесла все для пересадки. Пока возилась – проголодалась. Зашла на кухню. Вымыла руки. «Черт, надо бы Гену попросить еще и бойлер подключить, но, пока Сашка здесь лежит, чужих звать нельзя». Она потрогала тело мужа, проверила пульс, хоть и знала, что его нет, но так – на всякий случай. Уложила бывшего мужа на диванчик, привычным жестом укрыла пледом. Посмотрела еще раз и натянула плед на голову, сверху небрежно бросила подушку-думку. Если смотреть из двери кухни и через стол, выглядело так, будто груда неразобранных одеял и подушек с зимы на диванчике оставлена. Заварила чай. Сделала бутерброд с той самой колбасой, что не стала утренним омлетом, положила на тарелку рядом с ним три помидорки. Поставила все на маленький жестяной поднос с видами Хайфы – израильский сувенир от падчерицы – и снова вышла на крыльцо.

Высокое послеполуденное солнце светило сквозь еще голые ветви липы, выкладывая на земле корявые полосы теней. А наверху, в этих же ветвях, воробей – не воробей, может, синичка, а может, еще какая-то мелочь пернатая пыталась распеть свой тоненький голосок. «Хорошо бы в этом году соловей опять вернулся, – размышляла она, прихлебывая чай, – ведь несколько лет не прилетал, а в прошлом году вернулся и такие трели заливал – что там Алябьев!..»

– Елена Сергеевна, здрасьте! Папа сказал вам копнуть надо. Где?

– Ой, здравствуй, Гена. Не слышала, как ты подошел. А в-о-о-н там, видишь – у заднего забора компостная куча. Ты слева от нее копни, а я потом потихонечку слоями пересыплю старое с новым – будет розам пир на весь мир.

– Глубоко копать?

– Не знаю. Метра два на метр и метр-полтора в глубину.

– Угу, не маленькая ямка, – проснулась в Генке крестьянская страсть к торгу.

– Да ладно, Ген, с такой игрушкой тебе два раза черпаком махнуть, а у меня знаешь сколько мусора на участке накопилось? Вот заодно все туда и уберу.

Генка согласно кивнул, вынул из кармана клещи и пошел отгибать заборную сетку для проезда своей повзрослевшей игрушки.

Елена Сергеевна доела бутерброд, допила чай, выкурила сигарету и снова пошла к машине за насосом. Подкачала тачке колесо, прыснула смазку, по-хозяйски осмотрела работу, покатала тачку пару раз туда-сюда – вроде не скрипит.

*

Еще только конец мая, а сумерки уже поздние, долгие. На кухню, пока ОН там лежит, заходить не хотелось. Затопила еще раз печку-буржуйку в комнате. Комната за зиму промерзла: вчера протопили – вроде бы подсохло, даже тепло ночью было, а сегодня зашла – зябко. Бойлер надо подключать. Но там возни много. Сначала насосом воду прокачать, потом уже генератор. Сашка как-никак инженер-строитель, с этим делом легко справлялся, она и не вникала – других дел полно, а теперь все самой делать приходится. «Вот она – вдовья доля», – с иронией подумала, подкидывая полено в топку и прижимая ладони к наливающимся теплом бокам печи…

…Вспомнилось, как приехали с экспедицией к ненцам-оленеводам. Народ кочевой. Про то, что чум – традиционное жилье – ставят исключительно женщины, она знала, и про то, что мужчинам не положено прикасаться к очажным шестам в чуме, тоже знала, а было интересно наблюдать, как хозяйка разговаривает с шестами гладит их, нашептывает им что-то, а потом, обращается к пламени и тоже так душевно рассказывает ему что-то. Переводчица потом раз-

говор с духом огня перевела, и Елена Сергеевна его подробно записала, а вот в какой монографии опубликовала – дырявая башка уже не помнит. Да и неважно теперь.

– Елена Сергеевна, принимайте работу, – на крыльце веранды стоял Генка.

– Геночка, мальчик мой, ну ты и шустрик. Сейчас здесь приберу и схожу посмотрю. Уверена: ты все как надо сделал. Спасибо тебе, сынок. Сколько я тебе должна? – потянулась к сумке на вешалке за кошельком.

– О, нет-нет. Это с папой – он у нас «начальник-бригадир». Я только исполнитель.

– Ну, спасибо еще раз. Ты, пожалуйста, как свою игрушку выкатишь, сетку не забудь снова зацепить.

– Обижаете, Елена Сергеевна, мы работу недоделанной не оставляем. – Он поднял кулак с оттопыренным вверх большим пальцем. Она улыбнулась и ответила ему тем же жестом. – Спасибо, сынок.

Она еще какое-то время с крыльца наблюдала за ним, за тем, как он деловито дергает рычагами, а машинка послушно поднимает стрелу ковша, разворачивается и плавно уползает на своих послушных гусеничках в сторону соседского участка. Вспомнилось, что у внука тоже была такая желтенькая Tonka Toy. Он с ней часами играл, пересыпая песок из одного угла песочницы в другой.

Хотелось поскорее прибрать кухню и лечь спать: спина начинала болеть. Аналитический ум ученого подсказал, что вечером еще кто-то может не спать, ходить, гулять – могут увидеть. С чего бы старухе ночью в еще полуголом – все просматривается – саду копаться. Решила подождать до рассвета. Утренняя бессонница у городской сумасшедшей дачницы никого не удивит. Съела помидор, доела вчерашний салатик. Проверила на телефоне – ага, рассвет в 5:36. Завела будильник на пять утра. Спала – не спала, так в дреме проплавала всю ночь, прислушиваясь. Тишина здесь, конечно же, уши закладывает. Не дожидаясь будильника, проснулась. Вставила ноги в толстых носках в резиновые не то короткие сапоги, не то высокие калоши и запахнула поглубже свое любимое пальто. Дошла до скворечника-туалета. Удивилась: с прошлого года рулон туалетной бумаги на гвоздике провисел, а даже не отсырел.

Яму Гена выкопал прямо напротив «скворечника». Летом, когда все разрастется и зелень отгородит участок от остального мира, визиты в туалет можно рассматривать еще и как посещения кладбища. Можно будет сидеть с открытой дверью и говорить с захороненным. Все ему рассказывать, а он, слава Богу, наконец-то не будет отвечать. Вышла из туалета, заглянула в яму – молодец Гена, весь в отца – основательный. Если делает работу, то хорошо.

На обратном пути в дом подхватила доску от старой лавки, положила ее поперек ступеней крыльца, по импровизированному пандусу вкатила тачку. С накачанным колесом она легко и послушно пересекла веранду и въехала в кухонную дверь. «Ну что, Александр Петрович, давай паковаться да в дорогу собираться», – приговаривала она, расстилая плед на полу рядом с диванчиком. Муж как-то легко, как ребенок во сне, скатился с диванчика на пол, ровно на середину пледа. Елена Сергеевна осмотрелась по сторонам и положила ему в карман рубашки очки и пачку сигарет. По ходу сборов вдруг отчетливо всплыла в голове цитата из какого-то доклада после экспедиции 1983 года: «*Для береговых коряков (карагинцев, алюторцев, паланцев), крещенных еще в XVII веке, был характерен православный похоронно-поминальный обряд. Но и в XIX – начале XX века коряки, хороня сородичей, клали в могилу все необходимое им для дальнейшей жизни. Иногда при православном обряде в могилу на гроб бросали ветки кедрача и зажженную спичку, что напоминало существовавшую ранее и у береговых коряков традицию кремации умерших. В поминальном обряде принимают участие все родственники и соседи усопшего. Сам же поминальный обряд заключался в оставлении покойнику еды и курева. Через год после смерти посещение места кремации или могилы прекращалось, т. к. оно становилось священным*»[1] Поправила на голых, с сухими растрескавшимися пятками, ногах тапочки-шлепанцы и, оглядевшись вокруг, нашла глазами, что искала – зажигалку. Положила ему в карман

вместе с сигаретами. Закинула углы пледа и завязала их крест-накрест в дорожный узелок. Попробовала приподнять, и первый раз за последние двадцать часов ее охватил страх – сил поднять нет. Остеопороз семьдесят килограммов поднять не даст. Вот где пригодились бы все родственники и соседи. Но родственники далеко, а соседям здесь присутствовать совсем не обязательно.

Снова вышла на крыльцо. Села. Закурила. «Думай, Лена, думай». Пошла вдоль дома в поисках шеста. Нашла зеленую, длиной почти в два метра трубку – основание того дивана-качалки, что стоял у дома, когда молодежь еще на шашлыки приезжала. «О, кажется, то что надо… – комментировала она свои поиски, – так… теперь ведро». «Узелок» с телом – как в мультфильмах про аистов, несущих младенцев, – завис на одном конце перекинутого через табуретку шеста, на другой она повесила ведро и стала черпаком наливать в него из-под крана воду. Когда ведро было почти полным, подкатила тачку ближе к противоположному концу, долила ведро и, когда оно наполнилось почти до краев, придавила конец шеста, добавив к весу свои килограммы.

[1] Цитата из сайта: https://funeralportal.ru/library/1182/12493.html

Шест медленно, как перекладина разновесов, выровнялся и горизонтально лег поперек табуретки. Осталось аккуратно довести ношу до края тачки. Когда «узелок» завис над тачкой, она также плавно выпрямилась. Покойный лежал в тачке, а из ведра не выплеснулось ни капли воды. «Вот, Петрович, инженерном быть проще, чем ученым-фольклористом», – резюмировала она свой труд.

Она стояла над компостной могилой мужа, наблюдая за тем, как новый день постепенно меняет краски мира: розовое марево зари сменилось алым полукругом восходящего солнца, и, еще не показавшись целиком, из алого он стал оранжевым. Несколько мгновений над горизонтом повисел гигантский апельсин, а уже через минуту желтый диск сиял в лазури неба, набирая силу, превращая утренний туман в пар. Пар клубился, рассеивался, на мгновение ей показалось, что одна из струек приняла очертания человеческого тела, а может, и правда, в этот момент его душа поднималась в верхний мир. Елена Сергеевна положила лопату в тачку, повернула к дому и вдруг остро ощутила… нет, не боль, не горе, не сожаление, а… усталость.

Спала она почти до вечера.

*

И потекли дни один за другим. Рутина дачной жизни иная, чем в городе. Встаешь рано – ложишься тоже рано. Она разобрала большой квадратный стол на веранде – оставленные на нем с осени всякие мелочи: баллончики с жидкостью от комаров, высохшие мочалки, зеленые прутики проволоки для подвязки кустов. Когда-то, в приезды детей, за ним устраивались так называемые семейные обеды, и, хоть семья была чужая, и люди для Елены Сергеевны совершенно чужие, она к их приездам готовилась – старалась как можно лучше все устроить. Теперь она оставила один край свободным, покрыла его полотенцем с гжельским рисунком – это для тарелки. Все остальное пространство стола заняли: лэптоп, книги, картотечные ящики с одной ей известной системой классификации мифов, песен и камланий так любимых ею северных народов. Они – эти уходящие в прошлое, исчезающие культуры – стали ее жизнью. Как родители рассказывают детям историю семьи – кем были их бабушки и дедушки – так ей, бездетной, надо было успеть передать эти собрания ее детям – следующему поколению, ее учеников – тем, кому «не-все-равно».

В понедельник позвонила на кафедру и, сославшись на здоровье, попросила либо отменить четверговый семинар, либо, если группа наберется небольшая, пусть приезжают к ней на дачу. До Нового Иерусалима на электричке, а там она их встретит на машине. Во вторник позвонил Василий и сказал, что четверо готовы приехать. Она обрадовалась. Как раз все в машину поместятся, и есть повод наконец-то закончить уборку дома и приготовить что-нибудь

вкусненькое. Весь день среды разбирала шкафы и полки кухни. Крупы и прочие сухие продукты она держала в больших стеклянных банках из-под «Нескафе» с плотно притертыми пузатыми крышками. Каждую открыла, проверила, не завелась ли моль или мучная личинка. Почти полная банка крупы «Геркулес» пошла в помойку. Вид ее не понравился – какая-то трухлявая. Вымела и протерла все полки. Хоть съестного на зиму в шкафах и не оставалось, мыши все равно любили почему-то зимовать в чашках и вазочках, оставляя после себя мелкие черные зернышки. Убрав полки и перемыв посуду, она победно осмотрела поле боя. Взгляд упал на вставленный в узкий пластиковый чехольчик телевизионный пульт. Не задумываясь, смахнула его в мусорный мешок. Хмыкнула: «Что послужило причиной смерти? – спрашивает судья. Причиной смерти послужил телевизионный пульт, – докладывает следователь, – но мы не смогли приложить его к материалам дела. Объект исчез…»

Сварила кастрюлю щавелевого супа. «Сметану, хлеб и пряники куплю на станции, – подумала про себя, – а еще новый шланг, сахар и овсянку не забыть бы».

*

Лето стремительно наступало. Зацвела сирень. Яблони и вишня превратились в белые облака и парили над уже довольно высокой и густой травой с вкрапленными в нее желтыми пятнами одуванчиков. Посаженные еще осенью тюльпаны редкого сорта выстрелили вверх своими разноцветными рюмочками: белыми, розовыми и пурпурно-бордовыми. Под окном веранды расцвели ирисы. Сквозь их плоские листья потянулись вдоль стены веревочки девичьего винограда. Буквально за две недели дом укрылся зеленым шатром. Ни Коли и его семьи, ни соседей справа, ни редких деревенских машин, а главное – дальнего конца с туалетом-скворечней и компостной могилой стало не видно. Совсем. Никого. И… прилетел соловей. Несколько ночей обживался: кашлял, щелкал и горгульил, как будто полоскал горло, а потом… запел. Ах, какие трели он выдавал! Как же страстно, как призывно звал свою подругу!

Елена Сергеевна честно высадила тыквы на так полюбившийся им пригорок, и ежедневные визиты отхожего места превратились в церемонию не только справления естественной нужды, но и в ритуал проверки их роста и приветствия мужа. Тот факт, что он лежал так близко к дому, а не где-то там, на далеком кладбище, до которого, если и соберешься доехать, так не чаще чем два раза в год, имел свои особый тайный смысл. Они как бы и не разлучились – он здесь, рядом, просто перестал смотреть телевизор и отвлекать ее от собственных дел и мыслей.

Незнакомая рыже-розовая кошка привела пятерых котят. Гордая мать, видно, водила их с участка на участок: хвасталась потомством, а заодно искала добрых людей из тех, кто если и не возьмет котеночка, то хотя бы покормит. Елена Сергеевна сразу объявила, что на усыновление пусть не рассчитывает, но блюдце молока исправно наливала. До чего ж умилительное зрелище: розовые хвостики образовывали венок вокруг белой середины блюдца, и молоко стремительно исчезало на лопаточках крошечных розовых язычков. Насытившимся котятам мама-кошка старательно вылизывала мордочки и уводила их дальше, вдоль деревни.

Ей давно так хорошо и спокойно не работалось.

«У северных народов бытует мнение, что шамана уносят служившие ему духи или Мать-Хищная-Птица. В шаманской традиции очень распространена идея души как птицы. “После смерти душа шамана превращается в птицу”, – говорят они»[2]. Под пенье птиц и шелест девичьего винограда, который все плотнее окутывал дом, книга выстраивалась как будто сама. И память тоже оживала. Елена Сергеевна почти перестала готовить – жила на перекусах; кухню не то чтобы избегала, но разлюбила там находиться. Заходила только умыться, сделать кофе и взять что-нибудь из холодильника. «Ничего, – говорила себе, – после сороковин пройдет».

Василий приезжал раз в две недели. Этот тонкий, как стебелек, невысокий, конечно же, очкарик – типичный подвид «червь книжный» – был не только одержим историей, к тому же имел все задатки будущего ученого. Его ум не только запоминал, но и обладал способностью

структурировать, выстраивать схемы, находить параллели и связи в событиях и их последствиях. «Вот он – мой наследник», – думала она, читая его рефераты. Приезжал утром. Елена Сергеевна его по-матерински кормила вторым завтраком, подозревая, что он же и первый. До обеда работали, потом он чисто по-детски спрашивал, можно ли покататься на газонокосилке. Было смешно и радостно, сидя на крыльце, смотреть, как он выкатывает мини-трактор, как заводит его и с совершенно детским восторгом накручивает круги сначала по поляне перед домом, потом выше, на пригорке, лавируя между яблонь, и дальше – вдоль Колиного забора, кустов малины и смородины. Раскрасневшийся, даже запыхавшийся, как будто не трактор гонял, а на коне скакал, он заводил машину в стойло. Уже зная ритуал, обтирал колеса и колпаки ножей от травяной трухи, закатывал машинку в сарай. Выходил из него с граблями-веером и широкой снеговой лопатой – собирать скошенную траву. Елена Сергеевна вставала с крыльца, брала в руки большой пластиковый мешок и шла немного позади юноши. Он сгребал траву, поддевал ее на лопату, обязательно улыбаясь, смотрел ей в лицо и закидывал очередную порцию травы в мешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.